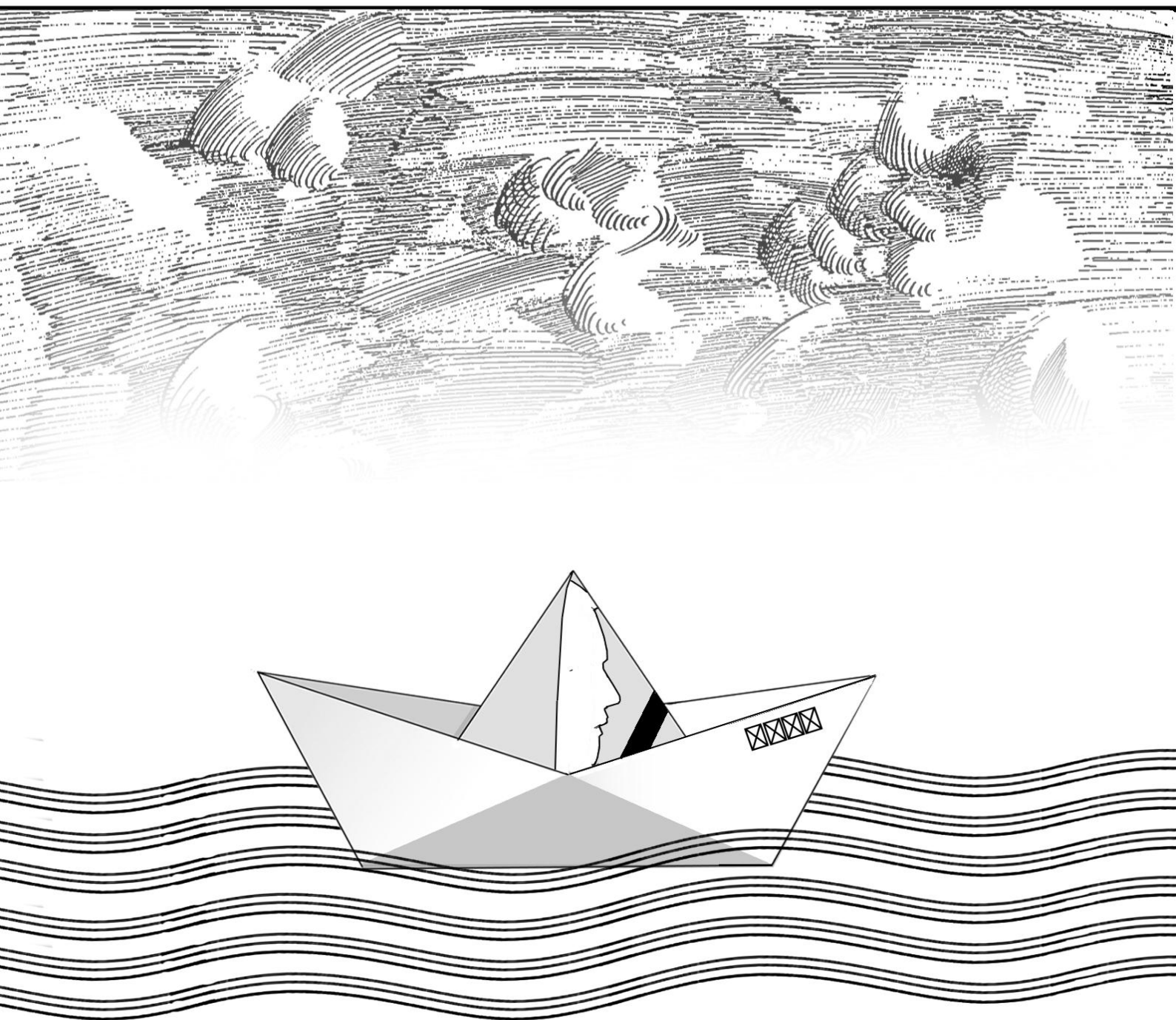

ПРОЖИВАНИЕ

Семен Грила

Проживание

«Кавалергарда век недолог».
Булат Окуджава

Стадия первая

Он родился. Наверное, детство в фазе отсутствия воспоминаний было милым. Он не знал, но наверное. Когда появились смутные отрывочные воспоминания, они были слишком смутными, слишком отрывочными и от этого абсолютно безэмоциональными. Такие стоп-кадры из немого кино. В основном лица или фрагменты помещений, машин, самолетов.

Привязанность к матери зашкаливала, он не выбирал, он был стойким приверженцем, и если не мама, то никто. Все только с ней, все только из ее рук.

Это совсем не подпадало под определение «маменькин сынок», это было и глубже, и шире, и совсем не такое пошлое. И это была не любовь, это было состояние его мира. Мама являлась и воздухом, которым он дышал, и едой, и вещами. Все, что было в окружающем мире, была она.

Вот такая вот была с ним фигня. Вы скажете, так не бывает? Возможно, вы не помните просто или никогда не были счастливы. Будем надеяться на первое, ибо второе очень грустно. Второе – это плохо. Это никак. Это пустое.

Стадия вторая

Средняя школа отделила супердетский этап от начала создания собственного «я». Это было открытием. Бесконечность мира. Конечность жизни. Он упирался лбом в оконное стекло ночью и смотрел во мрак. Представлял границы Вселенной и что может быть за ними.

Его охватывал феноменальный ужас при мыслях о смерти. Он не хотел об этом думать и просто терпел до тех пор, пока эта мысль не сменялась суетой дня или мороком сна.

Физически он был крепким. Катался на лыжах, тренер требовал результатов, но он не любил напрягаться. Так – для себя и для мамы. Катался. Спорт – это важно, считали все вокруг, но не он. Он уступал, это было несложно.

Вика. Девочка, наведшая его на мысли о притягательности. Не так, как к маме, по-другому. Он хотел с ней общаться. Она – не очень. Как пишут в женских романах – позволяла. Он страдал. Вернее, тогда он еще не понимал, что страдает.

Про страдания ему объяснил Алик, одноклассник. У Алика были старшие братья. Он много знал про жизнь.

Стадия третья

Старшие классы школы. Песня. Поэзия. Глупость. Ожидание чего-то когда-то. Жизнь в предчувствии, а не сегодня. Углубление дружбы с Викой. Появление друзей, которые называются так за неимением более подходящих слов, типа приятели, люди, совместно проводящие время. Их ничего не связывало, кроме бестолкового совместного проживания тех дней.

Но в детских книжках это называлось дружбой. Ну, значит, это была дружба. Как можно спорить с коллективным сознательным. А никто и не спорил. Даже мыслей таких не было.

Отличный обмен веществ предполагает уникальную возможность плыть вдоль. Вместе со всеми. Не задумываясь о времени как времени. Его же навалом.

Стадия четвертая

Студентом он был средним. Скорее, ему просто нравилась послешкольная свобода. Взрослость. Самостоятельность. Где и что есть. Нет контроля. Нет отчета. Ну, кроме экзаменов.

Он учился ради процесса. Он не знал, как будет жить дальше, просто будет. Детали придут сами. Свободный полет. А взлет или падение – это будет понятно только после. Чего думать про завтра конкретно. Только в общем. Завтра будет. И все.

Студенческое время изменило восприятие отношений. Чуть-чуть. Любовь сменялась любовью. Острота была на пике.

Переживания. Бросила. Не бросила. Ушла. Вернулась.

Он не бросал. Тянул и тянул давно остывшие отношения. Боялся, наверное. Привыкал. Вел параллельную жизнь от всех этих стеснений. Умножал сущности. Запутывал действительность. Было

иногда хорошо. Иногда плохо. Он научился извлекать капитал из общений.

Замыслы появлялись и реализовывались структурно. Студенческая жизнь предполагала и давала возможности социальной реализации. Он преуспевал в этом серфинге отношений.

Стадия пятая

Первый контракт он получил в студентах. Подготовка материалов для диссертаций.

Нет, он не продавал готовые работы. Это делали другие. Трое нанимали таких, как он, как подсобных рабочих. Он способствовал, но не более. Знать – знал. Но не более.

Однажды в дверь к нему постучали. Он не открыл. Тогда через пару дней он получил повестку. Допрос свидетеля.

Ну, он почти ничему не был свидетелем. Да, подтвердил, что готовил материалы. Да, подтвердил, что отдавал их такому-то.

Следователь смотрел на него как-то совершенно без эмоций, как на муху, впрочем, на муху мы смотрим часто и эмоционально вполне. Наверное, под этим взглядом он чувствовал себя мухой.

Потом было отчисление из института и повестка уже из военкомата. Справки о здоровье никого не интересовали. Комиссия признала годным. Пошел служить. Вернулся другим человеком. Армия навела резкость на размытую картину окружающей среды. Время, там проведенное, текло медленно, что позволило сформировать глубину целей на жизнь после. В виде мечты и подготовки осознанных действий.

Еще армия дала ощущение победы. Зарядила силами. Вернувшись, он лихо поступил куда хотел, практически без подготовки. Карьера, как стало модным говорить, резко прибавила и вширь и вглубь.

Стадия шестая

Он снова учился, но теперь с полной отдачей. Параллельно работал. Параллельно – на второй работе, связанной с будущей специальностью.

Время летело быстро. Он сделался совершенно простым. Женился. Дети. Отрицание красок. Подчинение некой идее. Так прошло несколько лет. И все вернулось.

Он потерял перспективу, приобрел страх. Он боялся. Вот просто боялся. Выйти из дому. Вступить в разговор. Мыслей о смерти.

Мама старела и говорила про это. Он не хотел слушать, отрицал, говорил в ответ, что тоже стареет. Она замолкала. Смотрела на него. Он потом, много спустя, понял, что она теперь хотела, чтобы он стал для нее всем, как она для него когда-то.

Но он отрицал, и маму не поддержал, не услышал, не понял. Нет, не хотел понимать. Это ужаснее. А потом мама ушла, и уже некому было быть ему всем. В середине грудной клетки у него образовалась пустота. Ее не было видно, но ему казалось, он эту дырку просто не видит, но она там есть. Он чувствовал.

Он много работал в это время. И вполне успешно. Появились деньги. Решались бытовые проблемы. Обнаружился Алик. Они давно не виделись. Предложил участие в проекте. Он согласился.

Стадия седьмая

Контракт с тогдашним работодателем Алика передвинул в его мозгах многое. Не в мозгах – скорее, во взглядах на простое.

Он привык усложнять. Его так учили. И мама, и учителя, и преподаватели. Хотя и не все. Однажды, разбирая итоги олимпиады, учитель математики, к которому он обратился за разъяснениями по поводу своей неудачи, сказал ему, что он сам усложнил условие

задачи. А вообще-то, сказал учитель, надо стремиться к обратному, к упрощению, а ты решал не заявленные условия, а выдуманные тобой усложнения. Он был удивлен.

Вот и теперь оказалось, что сила в простоте. Это открытие его опять удивило. Он забыл про это.

Дальше – больше. С каждым новым контрактом простота решений нарастала, и он потихоньку стал к этому привыкать, хотя полюбить до конца так и не смог. Ему казалось, что нельзя привыкнуть к простоте. Но он смог. Для работы, говорил он. Так надо.

Он заспорил как-то об этом с Аликом и тот выдал:

– Люди придумали усложнения, ибо социум не терпит простоты. Упрощение – это скатывание. Ведь в природе, во Вселенной нет простоты или сложности. Рефлексия присуща только людям. Рефлексия требует уровня сложности. Коллективное бессознательное – тоже. Общество может развиваться, только усложняясь. Да, возможна сингулярность, но это другая история. Обнуление сложности при переходе в другое качество. И за сингулярностью будет накапливаться новая сложность, если останется рефлексия. В этом, – сказал Алик, – я не уверен. В том, что за сингулярностью. Да и в самой сингулярности тоже.

Он слушал Алика, который всегда мимикрировал под простоту. Слушал и наслаждался. Но внешне восторги не продемонстрировал. Привык на работе, что ли.

Вот такие бывали у них разговоры.

Ладно, хватит этого всего. Едем дальше.

Стадия восьмая

Все было хорошо. Даже очень. Все реже мучали кошмары насчет смерти, все глубже становился успех.

Этот самый успех – хорошая пилюля от всего плохого, избавление. Надо только не перегибать с нападающей от этого вседозволенностью, которая опускает толерантность, что кончается хамством и пошлостью.

Богатство пошло даже в исполнении интеллигентного человека, ибо вопрос присвоения прибавочной стоимости куртуазно никогда не будет решен, а значит, будет разъедать хорошие манеры. Извините, что-то мы не туда заехали немного.

Все было хорошо, и тут в очередной раз сдав анализы по поводу болей в сердце, выяснилось, что он болен. Причем как-то конкретно и как-то безальтернативно. Рак крови. Лимфома, кажется, называется. Четвертая стадия, метастазы в лимфоузлах и так далее.

Впереди маячила химиотерапия, пересадка костного мозга. Это в случае успешности всех промежуточных стадий. А мамы не было, и некому было стать всем. Заменить кровь. Отдать свой костный мозг. Гладить по голове. Некому было сказать, что все будет хорошо.

Он опустился на следующий этаж глубины. Он понял, что понимал все всегда правильно про жизнь, но детали, эти чертовы мелкие детали всегда ускользали. Мама, Вика, Алик и многое другое.

Стадия девятая

Он вспоминал. Вспоминал, как трепетал от прикосновений Вики, как слушали музыку с Аликом, как мама резала яблоки. Ну при чем тут вот яблоки. Целый таз, который они ели все вместе, сидя у телевизора. Ушедшая натура, которую хочется чувствовать, вновь пережевывать вкус.

Он написал Вике. Она обещала перезвонить. Позвонил Алику. Он ответил: «Я сейчас занят, давай на неделе».

Он подумал о маме. Она сказала: «Ничего не бойся, сынок. У тебя всегда все будет хорошо. Только не бойся».

Ему полегчало. Все было на месте. Работа работала. Семья жила.

И мама была с ним. А Вика и Алик перезвонят. Все хорошо. Он жил и будет жить, и не будет бояться.

Стадия десятая

Он лежал в больнице. Мозг, говорят, не прижился. Какие-то новые серии процедур. Завтра опять очередная операция. Он жил.

Хирург вышел из операционной. Ну как в кино показывают. Или почти так, кто знает. Выглядел усталым или опустошенным. Алик и Вика встали.

Он умер. Так бывает.

Он умер.